

Троица явно не ожидала такого отпора, но спорить не смела. В конце концов, им позарез нужно было выгнать его на кухню: кроме Цзян Тинчжоу, те фирменные блюда никто приготовить не мог.

Мягкотелый су-шеф, который в обычные дни относился к Тинчжоу с долей уважения, попытался разрядить обстановку. Пробормотав, что теплая вода действительно поможет прийти в себя, а сам он пока поищет лекарства, мужчина поспешил ретироваться под предлогом того, что нужно вскипятить воду.

Но Цзян Тинчжоу не унимался. Сорвав со лба мокрое полотенце, он швырнул его прямо в руки менеджеру зала.

— Чего стоишь? — хрипло бросил он. — Иди смени полотенце. Принеси чистое, влажное, но не мокрое до нитки. И парочку про запас захвати. Заодно найди мне сухую одежду.

Менеджер растерянно зыркнул на управляющего. Но стоило ему натолкнуться на тяжелый, лихорадочный взгляд полуживого Цзян Тинчжоу, как внутри у него все похолодело. Сделав шаг назад, он поспешно отвел глаза.

— Иди, — сквозь зубы процедил управляющий Ян. — И прихвати все жаропонижающие, какие найдешь в аптечке. Прохладное полотенце тоже не помешает. Живее, у нас каждая минута на счету!

Менеджера как ветром выдуло из каморки.

Управляющий только успел утереть бумажной салфеткой брызги холодной воды с лица и одежды, как Цзян Тинчжоу снова напустился на него:

— А ты чего тут торчишь? Иди на кухню, пусть начинают делать заготовки. Или время уже не поджидает?

Управляющий Ян едва сдерживал злость, но, услышав эти слова, внутренне возликовал — парень явно пошел на попятную.

— Тинчжоу, значит, ты согласен? Согласен готовить?

Цзян Тинчжоу лишь глубже забился в подушки и презрительно усмехнулся.

Впрочем, прямого отказа не прозвучало, а для Яна этого было более чем достаточно. Он привык: стоит посильнее надавить на парня, сыграть на чувстве долга, и тот расшибется в лепешку, но выполнит любую прихоть.

Решив не замечать пугающих перемен в поведении повара, управляющий поспешил закрепить успех:

— Гостей сегодня уйма, так что все наши коронные блюда должны быть на высоте. Постарайся как никогда, договорились?

— Отчего же нет? — Цзян Тинчжоу медленно провел ладонью по лбу, стирая липкий холодный пот, надсадно закашлялся и заговорил севшим, надтреснутым голосом: — Приготовим наши знаменитые «Фаршированные реки и горы», получившие столько наград. И «Весенний горшочек свежести», который так любят гости. А на десерт подадим «Медовые семена лотоса» — я как раз закончил над ними работать. Лично у плиты стоять буду, выдам шедевров пять-шесть. Побалуем господ эксклюзивом, которого они нигде больше не попробуют. Как тебе расклад?

Управляющий Ян, ослепленный открывающимися перспективами, совершенно не уловил издевки в его тоне. При одном упоминании этих яств у него слюнки потекли — вкусы блюд Тинчжоу врезались в память навсегда.

«Медовые семена лотоса» славились нежной, не приторной сладостью. «Фаршированные реки и горы» поражали богатством ароматов. А «Весенний горшочек свежести» — авторская вариация Тинчжоу на тему классического супа яньдусянь — и вовсе творил чудеса. Уму непостижимо, как этот мальчишка умудрялся превращать простое домашнее блюдо в кулинарный шедевр. Стоило подать этот исходящий паром горшочек на стол, как гости таяли от восторга.

В такую ненастную, сырую погоду горячая похлебка с ароматом весенней зелени и деревенской простоты пришлась бы как нельзя кстати.

— Прекрасно! — Ян так загорелся этой мыслью, предвкушая, как утрет нос всем конкурентам, что напрочь забыл о тяжелом состоянии повара. — Уверен, они будут в полном восторге!

— Ну так чего мы ждем?

Не будь Цзян Тинчжоу так слаб, он непременно поаплодировал бы этой глупости.

— Беги скорее, раздавай указания на кухне.

Окрыленный управляющий пулей вылетел за дверь. Как только все трое покинули каморку, в маленькой комнате отдыха воцарилась блаженная тишина.

Цзян Тинчжоу мгновенно сел на кровати. Лихорадка била по суставам, но медлить было нельзя. Выудив из шкафа старую куртку, он похлопал по карманам — бумажник и старый кнопочный телефон оказались на месте. Он осторожно приоткрыл дверь и выскользнул в

коридор. Ноги несли его вовсе не на кухню. Свернув направо, Тинчжоу прокрался к не приметной двери в конце коридора и побежал вниз по пожарной лестнице.

Старый филиал «Императорского пира» располагался в самом сердце Старого района Юнцина. Это было роскошное поместье площадью более тысячи квадратных метров, оформленное в стиле традиционного китайского сада с изящными беседками, павильонами и галереями. С одной стороны ресторан граничил с Народным парком, с другой — выходил прямо на живописную набережную озера Юнцин.

Сейчас на улицу опускалась тихая весенняя морось. Гости, сидевшие у панорамных окон ресторана, могли любоваться чарующим зрелищем: сквозь сизую дымку дождя виднелись плакущие ивы, склонившие гибкие ветви к изумрудной глади озера Юнцин. Пейзаж стоил целого состояния.

Но Цзян Тинчжоу было не до созерцания красот. Натянув капюшон поглубже, он шагнул под холодные капли. Тело то бросало в жар, то сковывало ледяной дрожью, земля уходила из-под ног, а сознание двоилось. Вся эта роскошь семейства Цзян больше не имела к нему никакого отношения.

Срезав путь через внутренний садик, он выскочил за ворота и побрел к выходу из парка. За несколько минут его старые кроссовки промокли насквозь. Пальцы ног окоченели. Кое-как поймав такси, он назвал адрес ближайшей больницы и бессильно откинулся на сиденье. Из-за ливня окна в машине были наглухо закрыты, а скуповатый водитель упорно не желал включать кондиционер. В душном салоне пахло сыростью, дешевым освежителем и застарелым табачным дымом. От этого удушливого коктейля голова Тинчжоу затрещала с новой силой.

Каждая мелочь, каждый убогий запах и ощущение физической немощи кричали об одном: его возвращение в прошлое — жестокая реальность.

Все, ради чего он вкалывал больше десяти лет — его многомиллиардная корпорация «Цзяньши», новенькие «Роллс-Ройс Куллинан» и «Майбах», верные секретари и лучшие личные врачи, — испарилось в один миг.

У него не осталось сил даже на то, чтобы мысленно проклясть небеса за эту издевку.

Но оставаться в «Императорском пире» и потакать замашкам той троицы идиотов или упасть замертво прямо на залитой дождем мостовой было бы еще хуже. Сжав зубы, Цзян Тинчжоу заставил себя продержаться до самой больницы.

В коридорах Народной больницы было не протолкнуться. Он в одиночку отстоял очередь в регистратуру. Врач приложил бесконтактный термометр к его пылающему лбу и нахмурился: тридцать девять и пять. Парня лихорадило, кожа буквально горела. Вердикт был однозначным — немедленная госпитализация. Медсестра в приемном покое, оформляя документы, удивленно окинула взглядом одинокого изможденного пациента и попросила указать номер телефона кого-то из близких на экстренный случай.

Цзян Тинчжоу долго молчал, перебирая в уме имена, после чего хрипло выдохнул:

— Обязательно кого-то указывать? Без этого нельзя?

Один этот невинный вопрос заставил его виски взорваться новой волной боли.

— Но молодой человек, в вашем состоянии необходим уход, — удивилась медсестра. — Нам нужно связаться с вашими родственниками, чтобы они приехали и помогли вам.

— Не надо никому звонить. Нет у меня никаких родственников, — отрезал он без малейших колебаний.

Он давно избавился от глупых иллюзий насчет своей так называемой семьи.

Медсестра одарила его сочувствующим взглядом, но сдаваться не собиралась:

— Если вам вдруг станет хуже, мы обязаны известить кого-то. Может, у вас есть девушка здесь, в Юнцине? Или близкий друг, который мог бы приехать?

Цзян Тинчжоу уже приготовился выдать привычное «я один, друзей в городе нет», как вдруг осекся. В голове со свистом пронеслась шальная мысль.

Ему ведь сейчас двадцать два года, а не тридцать два. И он вовсе не одинок. Девушки у него, конечно, не водилось, зато имелся парень, отношения с которым завязались совсем недавно.

Это был его единственный в жизни роман, продлившийся долгих шесть лет — с двадцати двух до двадцати восьми. Они сошлись с Лу Байюем при весьма примечательных обстоятельствах. Это случилось в начале шестнадцатого года, сразу после Праздника весны. Тинчжоу тогда взял золото на национальном кулинарном конкурсе и, окрыленный успехом, набрался смелости признаться Байюю в чувствах.

Воспоминание об этой связи отозвалось в голове такой нестерпимой пульсацией, что Цзян Тинчжоу лишь беззвучно зашевелил губами. Он так и не смог выдать ни слова. Глаза его закатились, и он навзничь повалился на пол, потеряв сознание.

Медсестра вскрикнула и вскочила со стула. Тинчжоу лежал без чувств. Благо в приемном покое всегда дежурила толпа людей: пара сильных мужчин вовремя подхватили парня и помогли уложить его на каталку.

Сквозь плотную пелену забытья до слуха Тинчжоу донесся чей-то жалостливый вздох:

— Надо же, такой молодой... Бедняжка.

До перерождения никто и помыслить не мог назвать его беднягой. Влиятельного генерального директора Цзяна не нужно было жалеть. Стоило ему пальцем пошевелить, как у его постели вырастала толпа первоклассных докторов и вышколенных слуг. Тогда ему не требовалась забота родных или возлюбленного — за деньги можно было купить любое внимание. И уж точно он не валялся на ледяном больничном линолеуме, всеми забытый.

Он вернулся в те кошмарные времена, когда был угрюмым, ершистым юнцом, который вкалывал до полусмерти и оказывался под капельницей в полном одиночестве. Ни одной живой душе на свете не было до него дела.

На душе у Цзян Тинчжоу стало невыносимо паршиво.

Ему всегда казалось, что судьба испытывает к нему какую-то извращенную, застарелую ненависть. С самого первого дня его жизни.

Цзян Тинчжоу родился единственным наследником четы Цзян. В те годы их семейное предприятие «Цзяньши» еще не ворочало миллионами, однако их ресторан «Императорский пир» уже пользовался доброй славой в городе. Семья жила в достатке. Но когда Тинчжоу исполнилось пять лет, случилось непоправимое: он потерялся. Перенеся тяжелую болезнь, мальчик начисто забыл свое имя и прошлое. Его жизнь покатилась по совершенно иному руслу.

Его подобрал и вырастил деревенский мясник. Как только мальчик окреп настолько, чтобы удержать в руках тяжелый секач, ему пришлось освоить ремесло забойщика скота, чтобы элементарно не умереть с голоду. Отчим оказался ленивым, безответственным пропойцей, а их лачуга дышала нищетой. Тинчжоу с малых лет брался за любую грязную работу. Жизнь была его наотмашь; он чудом ухитрился закончить хотя бы девять классов школы, постоянно прогуливая уроки ради заработка.

А в это время его место в теплом семейном гнезде занял другой ребенок. После исчезновения Тинчжоу супруги Цзян усыновили сироту — Цзян Ю. Мальчик рос в роскоши, окруженный заботой, словно маленький принц. Утонченный, вежливый, блестяще образованный. При их первой встрече Цзян Ю кротко улыбнулся и ласково назвал его «братом». От этой ангельской кротости у любого прохожего защемило бы сердце от умиления.

По иронии судьбы, они были ровесниками и родились в один и тот же день — Цзян Ю появился на свет всего на час позже Тинчжоу.

Для Тинчжоу, привыкшего к грязи и нищете, названный брат казался неземным, сияющим существом. Когда настоящие родители получили весть об обретении сына и спешно выехали из другого города, именно Цзян Ю заботливо отвел его в ванную и помог подобрать чистую одежду. Позже экономка шепнула, что младший братишка без лишних слов уступил Тинчжоу свою просторную спальню.

Тинчжоу был тронут до глубины души. Ему казалось, что все невзгоды позади и он наконец-то очутился в раю. Отмывшись до скрипа и облачившись в дорогие шелка, он с замиранием сердца спустился в гостиную навстречу родителям.

Мать вела себя так, как и подобает любящей женщине. Глаза ее были опухшими от слез, плечи мелко дрожали. Увидев его на пороге, она замерла, словно не веря собственному счастью, а затем бросилась к нему, вглядываясь в черты его лица, и разрыдалась в голос, обнимая обретенного первенца.

Отец держался куда сдержаннее. Ограничившись сухим «с возвращением», он окинул Тинчжоу придирчивым взглядом и недовольно нахмурился:

— Почему ты в вещах Сяо Ю? Эту одежду ему специально прислали в подарок из семьи Лу для предстоящего приема. Тебе не стоит ее носить, это не к месту.

Тогда юный Цзян Тинчжоу еще не ведал, какой огромный вес имеет имя «семья Лу» и какую роль эти люди играют в благополучии их собственного дома. Но он отчетливо расслышал в голосе отца заискивающие, почти подбострастные нотки. Да и сама претензия показалась ему странной.

В этот момент пелена восторга с его глаз немного спала.

Опустив взгляд, он понял, что костюм действительно дорогой и деликатный. Тинчжоу от природы был шире в плечах, и сшитый на заказ наряд сидел на нем впритык, швы едва не трещали. После такой примерки вещь была безнадежно испорчена для выхода в свет.

Тинчжоу растерянно посмотрел на рукава, а затем перевел взгляд на брата.

— Папа, не нужно, — мягко вмешался Цзян Ю, делая шаг вперед и виновато вздыхая. — Братик не виноват, это моя оплошность. У меня слишком много вещей, в новой комнате просто не хватило места в шкафах. Пришлось оставить часть одежды здесь. Наверное, брату она просто приглянулась, вот он ее и примерил... Ну или случайно перепутал, он же ничего не знал.

Ю говорил мягко и великодушно, но за этими ласковыми словами крылся ядовитый подтекст: Тинчжоу выставили неотесанным дикарем, который без спроса берет чужие дорогие вещи.

Отец недовольно сдвинул брови:

— Тинчжоу, раз уж ты вернулся в приличную семью, забудь о своих уличных замашках. Здесь чтут правила. Любую вещь нужно просить, а не брать молча. И уж тем более не смей трогать то, что принадлежит твоему брату.

Тинчжоу навсегда запомнил торжествующий, глумливый взгляд, которым Цзян Ю одарил его в

ту секунду, пока родители этого не видели. Иллюзии рассыпались в прах.

Тогда Цзян Ю был еще слишком юн и не умел виртуозно скрывать свои коварные замыслы под маской невинности. К тому же он жестоко просчитался: он решил, что перед ним стоит забитый деревенский сиротка, не способный дать отпор. Тинчжоу не собирался безропотно сносить обиду.

— Моей вины тут нет и в помине, — в лоб отчеканил Тинчжоу. — Я вышел из душа, шмотки лежали прямо на постели. Я и подумал, что это приготовили для меня. А теперь скажи мне, милый братец: если этот костюм так важен, почему ты не унес его в первую очередь, а бросил здесь? И второе — я шкафы пальцем не трогал. Твои пожитки отсюда вымели подчистую, осталась одна-единственная вешалка. Это у тебя новая комната такая крошечная, что в нее даже один костюм не влез?

В юности у него был упрямый, негибкий нрав. Он всегда пер напролом и требовал справедливости: если его обогнали, обидчик обязан был извиниться.

Цзян Ю сориентировался мгновенно. На его глазах тут же налили крупные слезы, и он забормотал жалобные извинения, уверяя, что просто замотался при переезде и оставил вещь случайно. Но Тинчжоу эта ложь колола глаза. Не желая спускать пакостнику это с рук, он схватил Ю за плечо, требуя признать обман.

Кто же знал, что во время этой потасовки Цзян Ю картинно пошатнется и рухнет навзничь, приложившись виском об угол кофейного столика? Из ссадины брызнула кровь, и сцена мгновенно превратилась в жестокое нападение «дикого старшего брата».

Разумеется, виноватым выставили Тинчжоу. Отец в ярости распекал его за жестокость и неотесанность, а кроткая мать со слезами на глазах умоляла его прекратить травлю беззащитного младшего брата.

Именно тогда Цзян Тинчжоу впервые близко познакомился с породой лицемерных тварей, которых в народе зовут «зеленым чаем». И окончательно понял: его долгожданный отчий дом — вовсе не тихая гавань, а змеиное кубло.

Кровного родства между ними не было. До возвращения Тинчжоу пресса и партнеры по бизнесу даже не догадывались, что Цзян Ю — приемный. Семья Цзян годами твердила всем, что у них родились близнецы, одного из которых похитили в детстве.

Но с появлением Тинчжоу легенда затрещала по швам: парни не имели ни единой общей черты. Правда выплыла наружу, поставив Цзян Ю в крайне неловкое положение. Само собой, тот возненавидел незваного гостя всей душой и задался целью вышвырнуть его вон.

Этот мелкий пакостник не жалел сил, очерняя Тинчжоу перед родителями. В новой элитной школе, куда перевели старшего брата, Ю устроил ему настоящую травлю, сделав изгоем. Отец

души не чаял в приемном сыне, за ним тянулась и остальная родня. Прислуга во главе с экономкой, вырастившая Сяо Ю, смотрела на Тинчжоу как на приبلудного пса. В школе за Ю стояла стена преданных друзей, а у экранов телевизоров вздыхали тысячи фанатов — к своим годам Цзян Ю уже успел стать лицом популярного кулинарного шоу.

Мать была единственной, кто пытался относиться к обоим сыновьям одинаково. Но ее слабое здоровье и мягкотелый характер делали ее похожей на беспомощное комнатное растение — она лишь тихо вздыхала и ничем не могла помочь своему первенцу.

Годы воспитания и родительской любви невозможно было перевесить одной лишь голой кровной связью, особенно когда за спиной у Тинчжоу не было ничего, кроме уличного прошлого.

Хотя Тинчжоу натерпелся в жизни куда больше, он проигрывал брату по всем статьям. Он не умел льстить, юлить и строить глазки. Из-за своей прямолинейности он постоянно набивал шишки, не умея вовремя промолчать или подлизаться. В школе он безнадежно отстал от программы и месяцами прозябал в списках двоечников, оставаясь чужаком среди лощеных отпрысков богачей.

Отец с первой же минуты дал понять: холеный, благовоспитанный и всеми любимый Цзян Ю ему куда ближе, чем родной сын с замашками беспризорника.

Да и внешность у Тинчжоу была, мягко говоря, пугающей.

Природа наделила его яркой, породистой красотой, собравшей лучшие черты родителей. Но эта хищная, агрессивная лепка лица в сочетании со взглядом дикого зверя отталкивала людей. Вдобавок ко всему, его щеку пересекал уродливый шрам от внешнего угла глаза до самого рта — память о жестоких уличных драках. Стоило ему усмехнуться, как лицо принимало по-настоящему зловещий вид.

Только спустя два-три года отметина окончательно поблекла и разгладилась, но клеймо малолетнего бандита успело прикипеть к нему намертво.

Травля, бесконечные унижения и холодное презрение близких превратили его жизнь в ад. Эта изысканная пытка в золотой клетке была во сто крат мучительнее, чем голодное детство в трущобах отчима-мясника.

Нарыв созрел, когда Тинчжоу исполнилось семнадцать. Очередная стычка с братом закончилась глухим взрывом ярости: потеряв контроль, Тинчжоу одним ударом в щепки разнес Цзян Ю переносицу. Дальше были привод в полицию, изолятор и реальная угроза вылета из школы без права сдачи госэкзаменов. Жизнь летела под откос.

Именно на самом дне этой безысходности в нем проснулась дикая, упрямая жажда доказать всем свою силу.

«Все, чем владел этот ублюдок, по праву принадлежало мне! С какой стати я должен гнить на обочине, пока приемыш купается в лучах славы?»

Цзян Тинчжоу презирал фатализм. Если он выжил в трущобах, то и здесь не пропадет. Он не считал себя глупее или хуже этой вылощенной куклы и жаждал поквитаться с судьбой за вопиющую несправедливость.

Он поклялся стереть Цзян Ю в порошок. Эта борьба должна была закончиться либо его триумфом, либо смертью.

Бросив школу, он с помощью старых связей сумел напроситься на встречу к легендарному мастеру Ван Тяню — великому повару, кормившему первых лиц государства на правительственных приемах. Старик разглядел в обозленном юнце искру истинного гения и, нарушив собственные правила, сделал его своим последним, самым близким учеником. Он вложил в Тинчжоу душу и передал ему все секреты мастерства.

Отец Тинчжоу готовить толком не умел, предпочитая копаться в бумагах. Цзян Ю пошел по его стопам: кулинария для него была лишь красивой ширмой, поводом посветить лицом на экранах и собрать лайки. Но Тинчжоу относился к делу иначе.

Великий мастер Ван не раз повторял, что за всю свою долгую жизнь не встречал ребенка более одаренного и фанатично преданного кулинарии.

Тинчжоу пахал как проклятый. Буквально вгрызаясь в учебу, он перенял каждую деталь мастерства учителя. В девятнадцать лет он пришел на кухню отцовского ресторана обычным заготовщиком, а уже в двадцать два занял пост шеф-повара «Императорского пира».

Именно сейчас их противостояние достигло апогея. Негласная война длилась годами, но именно эти месяцы должны были решить все.

Цзян Ю не был пустышкой — Тинчжоу признавал это, пусть и скрежеща зубами. Тварь обладала недюжинной хваткой, иначе они не бились бы на равных столько лет. В самом начале Тинчжоу раз за разом терпел поражения.

Младший брат обладал поразительным чутьем на тренды. На заре расцвета соцсетей он сообразил выстроить образ утонченного кулинарного эстета. Его еда могла быть пресной на вкус, но на видео выглядела безупречно. Яркая внешность самого Ю довершала картину — его ролики собирали миллионы просмотров. Он стал абсолютным лидером в кулинарном сегменте блогосферы, разменяв первый десяток миллионов подписчиков.

Поняв, как монетизировать эту сетевую любовь, в прошлом году Ю запустил под крылом холдинга «Цзяньши» новую сеть элитных ресторанов под названием «Благоухающий полуостров».

В отличие от Тинчжоу, пробивавшего лбом стены, Ю шел по жизни легко и непринужденно. Казалось, сама судьба устилала его путь лепестками роз — любой его каприз приносил золотые горы.

В противовес традиционному китайскому стилю «Императорского пира», проект Ю дышал европейским шиком и запредельной роскошью. Заручившись поддержкой крупных инвесторов, он вбухал миллионы в интерьеры от ведущих дизайнеров. Каждая деталь кричала о дороговизне, любой угол просился на обложку глянца. Заведение моментально взлетело в топ за счет инстаграмной атмосферы и вышколенного персонала модельной внешности. В меню значились исключительно деликатесы со всего света по астрономическим ценам. Забронировать столик в «Благоухающем полуострове» было практически невозможно, и менее чем за год его выручка вплотную приблизилась к показателям исторического флагмана, а в иные месяцы даже превосходила их.

Тинчжоу не недооценивал врага, но твердо верил: бизнес, построенный на одном лишь хайпе и красивой обертке, обречен на провал. Он лично заглядывал в заведение Ю и остался разочарован — вкус блюд не выдерживал никакой критики и не стоил и сотой доли заломленной цены.

Ресторанное дело — это прежде всего ремесло. Интернет-реклама хороша как подспорье, но без безупречной кухни и стабильного качества долго не продержишься. Рано или поздно мыльный пузырь лопнет.

Верный своим принципам, Тинчжоу уверенно вел дела «Императорского пира». К концу года они с братом прочно закрепились в руководстве холдинга, и тогда парализованный ныне отец выдвинул ультиматум.

— Правила просты, — объявил он тогда. — Чей ресторан покажет большую чистую прибыль по итогам первого квартала, тот и займет вакантное кресло вице-президента корпорации «Цзяньши».

Для двадцатидвухлетних «братьев» это состязание давно вышло за рамки детских обид. На кону стояло не просто теплое кресло, а вектор развития всей компании и, самое главное, право на наследование империи Цзяньши.

Тинчжоу порой ловил себя на бредовой мысли: а не персонаж ли он какого-то дешевого романа, где Цзян Ю — благословенный главный герой, любимчик публики, которому все блага мира сыплются в руки сами собой?

Сам же он в этой нелепой пьесе тянул лямку карикатурного злодея, вечного неудачника-антагониста.

В своей прошлой жизни он готов был костями лечь у плиты даже с сорокаградусным жаром лишь потому, что впервые получил шанс сразиться с Ю на равных. Эта возможность казалась ему священной. Ради нее не жалко было отдать здоровье и жизнь.

Он иступленно хотел доказать судьбе: никаких избранных не существует. Если пахать день и ночь, можно свернуть любые горы и переписать любой сценарий.

Но реальность оказалась безжалостной. Он выжал себя до последней капли, зубами вырвал победу... лишь для того, чтобы все лавры в итоге достались Цзян Ю.

Отец к тому времени уже превратился в лежачего овоща после инсульта, мать угасала на глазах. А стоило самому Тинчжоу погибнуть в той злополучной аварии, как вся империя беспрепятственно перешла в руки ненаглядного Сяо Ю.

И ради чего были все эти муки? Что он в итоге доказал? Пшик.

От этой яростной, удушающей обиды Цзян Тинчжоу рывком открыл глаза на больничной койке.

<http://bllate.org/book/19956/1995088>